Вместо предисловия *Вместо предисловия* *Вместо предисловия* *Вместо предисловия*

Рок-н-ролл в Советском Союзе, нам кажется, всегда был способом выжить, или, как сейчас принято говорить — «контр» против всего, что творилось вокруг. Этот невыносимо пьянящий свободный дух был воздухом для посвященных, для тех, кто его творил и кто жил вместе с ним. Когда-то столицей этого духа был Ленинград, его рок-клуб во главе с «Аквариумом», «Кино», «Алисой», «ДДТ»...

Сегодня мы представляем вам материалы, подготовленные в связи с двумя памятными датами в истории советского рока: днями, когда родились на свет Борис Гребенщиков и Константин Кинчев — лидеры групп «Аквариум» и «Алиса», представляющих лицо отечественной рок-музыки. Мы не стремились к тому, чтобы дать какой-то анализ их творчества или проставить биографические вехи на их пути, скорее нас интересовала личность как таковая, и где-то свое отношение к этим людям. С этой целью были собраны отрывки из материалов и интервью БГ разных лет, которые, как нам кажется, дают представление о лидере «Аквариума»; записаны личные впечатления о Константине Кинчеве; а также подобраны фотографии, которые превращают рок-музыканта в объект исследования не только как рок-героя, но и как человека.

Полутемный подъезд, лестница, уходящая в никуда, стены, исписанные с ног до головы, пятый этаж, коммунальная квартира, три звонка. Мирская обитель Гребенщикова. Это было два года назад. Сейчас там его уже нет. «Я строил так много стен, я столько хотел сберечь, но никто из нас не выйдет отсюда живым». Многие склонны рассматривать этот переезд, как и поездку БГ в Америку, предательством рок-н-ролла, а посему на стенах поверх слов «БОБ, ТЫ — БОГ», можно увидеть «БОБ, ТЫ — ПРЕДАТЕЛЬ».

Ленинград, улица Рубинштейна, 13. У входа в Ленинградский рок-клуб толпа фанов. «А где бы нам Кинчева найти?» «В Париже, он сейчас замажорился». Юный нацист: «Кинчев — в Неве, Цой — на фонаре». «Ленинград — это город на болотах, и нужно уметь летать, чтобы не увязнуть в трясине» — говорил Кинчев.

Итак, два человека, абсолютно разных, но сыгравших важнейшую роль в становлении и развитии нашего рока. Кинчев и Гребенщиков.

Комсомолец Узбекистана - Ташкент - 1990. - 12 дек.

«Как начинали крылато мы, какими станем в конце...»

Публикацию подготовила Елена КЛЕПИКОВА.

БОРИС ГРЕБЕНЩИКОВ

— родился 27 ноября 1953 года, окончил факультет прикладной математики процессов управления Ленинградского университета. Основатель «Аквариума». Как отмечалось в одном из интервью — «первую связную песню на гитаре сыграл в 1968 г.». Хорошо владея английским языком, отлично ориентируется в образном мире зарубежных рок-текстов. Подвержен влиянию Востока и Запада, предлагая собственное переосмысление и того, и другого. Своим музыкальным образованием считает многолетнее слушание музыки — в сфере музыки широчайшая эрудиция. Впрочем, не только в этой сфере... Эпизодический участник многих ленинградских рок-проектов («Зоопарк», «Кино», «Поп-механика»). Почетный житель. С 1987 г. — звезда всесоюзного, а может, даже и мирового масштаба.

...Я впервые познакомился с «Аквариумом» в 1976 году, когда группа — не без моей косвенной помощи — смогла выступить на одном из таллиннских рок-фестивалей. Впечатление от музыкантов осталось довольно сильное — во всех отношениях. Там же, в Таллинне, наметилось что-то вроде дружбы между Андреем Макаревичем и Борисом Гребенщиковым. Во всяком случае, последовавший период совместных акций — от квартирных тусовок до совместных концертов — свидетельствовал о достаточно тесных отношениях.

На одном из подобных концертов в Москве, в фойе Архитектурного института, мне вскоре довелось побывать. Концерт проходил вполне в традициях московских сейшено: где-то у входа перевернули газетный киоск, разбили пару стекол; группы выступали, стоя на составленных вместе столах, и периодически эти столы пошатывало. «А» был очень мил...

Н. Мейнерт «Аквариум».

* * *

«Первый лонгплей» — «Искушение святого Аквариума» — представлял из себя извращение двух идиотов (БГ и Джоджа), занимавшихся сюрреалистической «Аммагаммой». Некие непонятные желудочные звуки, стуки, пленка задом наперед, петли, стихи, отдельные куплеты песен и фразы. Очень смешно, но очень плохо записано. Для пластинки характерно название последней вещи — «Пение птиц и птичек на могиле сдохшего разума».

Борис Гребенщиков, «Правдивая история «Аквариума», 10.08.80.

* * *

Комната в коммунальной квартире — большой крашеный стол посредине, вокруг разбросаны книги, музыкальные инструменты, журналы, — необычный дом и необычный хозяин: зеленые волосы («перепутал пропорции в красителе»), пятнистые брюки, толстый свитер. Горячий чай на столе, тихая индийская музыка...

— Зачем вы поете?

— Очень хочется.

— Цель ваших песен?

— Если бы я мог сказать словами, я не стал бы писать песни.

— Вы как-то сказали: «Песни — упражнения в любви». Что это значит?

— Песню нельзя объяснить словами: сказано — и все можно лишь почувствовать.

— Рок-музыка — конфликт, преодоление. Так с чем вы боретесь? Что вас тяготит?

— Чувство собственного несовершенства.

Николай Солдатенков. «Сельская молодежь», 1987 год.

* * *

...Что до Гребенщикова, то он продолжал расхаживать по сцене, придумывая все новые и новые фокусы. То закалывал себя микрофоном, то скорбел о чем-то, облокотившись на стойку. Довольно избитый набор. Но в его исполнении во всем этом по-прежнему что-то было.

И наконец я понял, что. Ну, конечно! Во всей его грациозной угловатости было то, что сопутствовало року с момента его рождения, без чего он был невозможен, немыслим.

Секс. Правда, сексуальность Гребенщикова была особого свойства. Его невозможно было представить себе окруженным истеричными поклонницами, протягивающими подписанные бюстгальтеры. Нет, для этого он был слишком хрупок, слишком целомудрен.

Александр Астров, март—апрель 1986 г.

* * *

...Гребенщиков достиг статуса настоящей рок-звезды и прекрасно осознает это. Пора осознать и нам — всем его друзьям, приятелям и знакомым, а также малознакомым «лучшим друзьям». Конечно, нам обидно за «Добрый старый «Аквариум», с которым можно было запросто познакомиться, тут же забухать и потрюндеть за рок, за жизнь и за восточную философию. «Старый добрый «А» еще существует в акустическом варианте, и, дай Бог, чтобы просуществовал как можно дольше, они вчетвером — Боря, Сева, Дюша и Фан — играют концерты в маленьких зальчиках. Но тот «Аквариум», которого видит массовый зритель и который делает электричество — это уже нечто другое. Да, вот так вот... Все же надо сказать, что Борис сделал шаг на ту же тропинку, на которой поскользнулся Макаревич 3—4 года назад, и что равновесие тут сохранить довольно тяжело.

Александр Старцев, журнал «Рокси». 1984 год.

* * *

— Тяжело ли тебе было работать с Гребенщиковым?

— Что значит «тяжело»? Это вы сами себе создаете кумиров, от которых потом не можете откреститься. Гребенщикова изобрели исключительно советские средства массовой информации... Потому что есть коллектив «Аквариум», есть какое-то определенное количество людей, которые занимались всегда чем-то одним... И даже Борису порой неудобно, потому что на него постоянно венки надевают, и он становится этаким монстром, мужиком на постаменте, чего ему совсем не хочется. Он — живой человек со своими проблемами, как любой из нас... И все!

Спасибо Тамаре Максимовой, которая на Борисе «заторчала», как паровоз... Это разделение — Гребенщиков и остальной «А» — началось с «Музыкального ринга», когда Максимова обращалась к залу: «Ребята, задавайте вопросы Борису Борисовичу! Вышел «Ринг» на всю страну — и поехало...

Интервью Дюши Романова, данное Б. Суранову, «Вечерний Сыктывкар», 1990 год.

* * *

... Нас это не так сильно беспокоит — где выступать, во что одеваться. Нет, вначале действительно мы одевались странно, а попросту выглядели оборванцами потому, что те штаны, в которых я был на сцене, одевались и на работу (последовательно бывал дворником, подсобным рабочим, и тому подобное), и в поездках они тоже были на мне... Наверное, я зря об этом так много говорю, но ей-богу, когда слышишь: «Ты смотри, БГ в новых портках. Зажрался Гребень...» — становится... грустно — это ведь та же мещанская система измерения ценностей, только наоборот. У тех — престижно иметь дорогие штаны, у этих — ходить в латаных.

Из интервью БГ Е. Караваевой, 1987 год.

* * *

... Пока одни постигают суть «Мочалкина блюза», а другие пьют чай и кладут себя в воду, Боб спешит вперед под полную луну в цветение Иван-чая. Потрясающая одухотворенность и романтизм нового альбома «А». Смотрите, не засните! «Неужто Боб выдохся?» — спрашиваем мы. Проходя круги своего великого сознания, БГ остается верен себе в глубине и самораскрытии духовных поисков и истин. Это решительно новый шаг в истории группы — шаг назад или в сторону? Прекрасно, что есть такая музыка! Но... рок-н-ролл мертв? Будет ли продолжение славных лет «Аквариума» или они ушли в «равноденствие»?

Журнал «Рок опо», 1988, рецензия на альбом «Равноденствие».

* * *

Борис Гребенщиков на днях вернулся из Америки, куда он ездил по приглашению фирмы «CBS», чтобы завершить работу над своей пластинкой. Пожалуй, американцы скоро смогут ее послушать.

Е. Ким, «Комсомолец Узбекистана», 1989 год.

* * *

... В микромодели мира, предложенной «Аквариумом», уже миновала эпоха социального «разброда и шатания» (еще к тому моменту в нашем реальном мире и не начавшаяся) и наступила эпоха созидания— созидания себя самого и своего «я», какое бы оно ни было.

Кто не успевал или кому было не по пути с «Аквариумом», отходил в сторону или негодовал по поводу происшедших изменений, но ничего поделать уже было нельзя.

И тут на «А» свалилась Джоана (Стингрей —Е. К.) и перестройка, открылись двери, за которыми с распростертыми объятиями стояли американские продюсеры, любопытствующие рок-звезды и неведомые зрители, и ему не оставалось ничего другого, как ринуться из зажатого узкими стенами пространства, где почти каждое ответвление кончалось тупиком, в новые заманчивые лабиринты...

Н. Мейнерт, «Аквариум», 1989.

* * *

Дело в том, что возникло новое видение — что группа «Аквариум», находящаяся уже некоторое время в глубокой ж... — это точный адрес, — так вот, мы не можем больше играть ту музыку и петь о том, что раньше имело смысл. Происходит это, во-первых, из-за отделения Гребенщикова от «А», а, во-вторых, Россия куда-то движется и мы вместе с ней.

... Мы сделали все, что могли, мы кончили этап, и после этого мы можем заниматься алхимией, но в этом есть что-то нелепое— заниматься алхимией, когда за окнами стреляют. И чтобы дальше что-то делать, нам было необходимо через что-то пройти. А видение было такое — все мы стоим перед стеклянной стеной и стараемся через нее пройти. Не всей группой, а поодиночке. И когда мы пройдем, мы посмотрим, кто прошел, кто не прошел, тогда мы что-то сможем делать дальше. Путешествие на Запад как-то меня изменило, Мишку, Дюшу даже, наверное.

Так что сейчас эпоха смутная, все живые, играть всем хочется... Но при этом ток через нас не идет. Или идет очень редко, на каких-то только песнях. А старые песни играть нельзя. Надоело. Мы на положении партизанской бригады — ушли из городов, потому что там делать нечего; жить в лесу — может быть, и хорошо, но непонятно, зачем.

Я думаю, нам сейчас нужно вспомнить традицию домашних концертов. Это — возвращаясь к разговору о нынешней стадии «А». Вот «Железнодорожная вода» почему стала тем, что она есть? Потому, что это — абсолютная правда, в поезде и написанная, непосредственная. А «Иван-чай» — не абсолютная. Для меня-то она все равно — в полный рост, но это уже как бы комментарий, примечания в конце книги. Для тех, кому это интересно. Была история «Аквариума», с «Синего альбома» по «Дети декабря», и комментарий — «Равноденствие».

Потому что «А» сделал все, что сделал. И с 1986 года нам делать нечего. Мы исполнили свою историческую миссию. Все нормальные группы расходятся... Но играть-то хочется. Можно стать садовником, но я лучше песни попишу. Перед собственной душой мы бессмертны в историческом плане. Как Дилан. После «Блонд он Блонд» он уже никому ничего не должен. Но он играет, пишет песни, и это его личное дело. И мы будем играть себе помаленьку.

Интервью БГ А. Старцеву, газета «Иванов», 1990 год, № 2.

* * *

Однажды настанет день, когда они уйдут и никто не будет хлопать, и тогда они начнут петь свои лучшие песни сразу, без перерыва. А потом настанет день, и они будут петь только лучшие в сборных концертах... А потом настанет день, и они будут петь лишь одну, самую лучшую свою песню в какой-нибудь большой и глупой программе. Это грустно. Но этой участи не миновал никто. Кроме Хендрикса и Моррисона, и Леннона, и некоторых других, но мы знаем, какой ценой. Это грустно. Но это специфика жанра.

Если когда-нибудь Гребенщиков сможет смириться с мыслью, что от него хотят всего одну песню, дай Бог ему выбрать из «Электрического пса» или «Капитана Африка», или «Игру наверняка», что угодно, но только не «рок-н-ролл мертв». Это номер на финал второго выхода, это на уровне «Сэтисфэкшион». Это великая песня.

Когда он запел ее, зал взорвался от восторга...

А. Астров, март—апрель 1986 г.

* * *

Последняя пластинка Гребенщикова, сделанная в Америке, называется «Радио Тишина». Никто, кроме Боба, похоже, не догадался настроить радио на эту волну, хотя ручки крутили все, кому не лень. Боб опять всех опередил. Всех, за исключением Башлачева. И вслед за Башлачевым двинул свой «Аквариум» вниз с обыденного подоконника. В апреле этого года «Аквариума» тоже не стало. Вода, одетая в стекло, прыгнула вниз. Стекло, наверное, разобьется, вода, надеюсь, останется и уйдет восвояси. (См. учебник «Природоведение» за 5 класс, «Круговорот воды в природе»). Уйдет в андеграунд. Под землю, по-вашему.

А. Семенов, «Рокада», 1989 г., № 1.

Некоторым людям свойственно петь,
Отдельным из них — в ущерб себе.
Я думал, что нужно быть привычным к любви,
Но пришлось привыкнуть к прицельной стрельбе.
Я стану красивой мишенью ради тебя,
закрой глаза — ты будешь видеть меня, как сны,
что с того, что я сделал все, что я мог?
Я начинаю движение в сторону весны.
Я буду учиться не оставлять следов,
учиться верить в то, что рядом со мной,
землю — на ощупь, хлеб и вино — на вкус,
губы—губами, небо — своей звездой.
Я больше не верю в то, что есть что-то еще,
а глаза с той стороны прицела ясны.
Все назад — я делаю первый шаг,
я начинаю движение в сторону весны.
И некоторым людям свойственно пить,
и раз начав, нужно допить до дна,
и некоторым людям нужны герои,
и если мы станем ими, это наша вина.
Прости мне все, что я сделал не так,
мои пустые слова, мои предвестья войны,
Господи, спаси мою душу!
Я начинаю движение в сторону весны.

Борис Гребенщиков.